

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В СОЦИАЛЬНОМ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Д.В. ТРУБИЦЫН

Важной методологической задачей является разделение понятий «социальное» и «социологическое» познание. Часто наблюдаемая ситуация — отсутствие их различия, когда «социологическим» называется любой обществоведческий текст, не относящийся явно ни к какой конкретной науке. Особенно это касается междисциплинарных исследований крупномасштабных социально-исторических процессов, таких как глобализация, модернизация и т.п. Цель данной работы — выявить специфику социального и социологического уровней познания на примере проблемы модернизации, а также продемонстрировать возможность их синтеза в единой исследовательской программе.

Выбор проблемы обусловлен не только нашим давним к ней интересом и наличием конкретных результатов исследования, но и ее особенностями: проблема модернизации является междисциплинарной и в то же время дискуссионной настолько, что многие не считают ее и соответствующую ей теорию социологической. С этим связана еще одна задача: с опорой на собственное исследование мы хотели бы показать, что теория модернизации не является «идеологемой либеральных ученых», а проблема — «метафизической»; она вполне научна и при выполнении определенных условий может изучаться методами эмпирических наук.

Специфика социального и социологического познания

Исходная установка на изучение проблемы соотношения двух уровней познания такова: социальный уровень является более общим, он может включать, а может и не включать в себя социологический. Помимо социологии в социальный уровень могут входить познавательные средства любых общественных наук — истории, экономики, культурологии и др., но прежде всего он характеризуется наличием философской рефлексии. Социологическим же можно назвать только такое исследование, которое использует социологические методы и опирается непосредственно на факты социальной действительности. Любая существенная апелляция к несоциологическим, прежде всего к философским концепциям и идеям, не имеющим строгого теоретического оформления и эмпирического подтверждения, делает исследование социальным.

Таким образом, на социальном уровне может присутствовать и философия, и социология, а на социологическом — только социология. Социальный уровень может включать в себя мировоззренческие установки ученого, его идеологические и нравственные предпочтения, он обладает возможностью более широких обобщений и большей глубины рассмотре-

ния проблемы, чем социологический, так как не связан с необходимостью непосредственной опоры на эмпирические данные, но проигрывает в точности, строгости формулировок, достоверности. Социальное познание проигрывает и в объективности: само это понятие указывает на то, что познающим субъектом является социальный актор, участник исследуемых отношений, рассматривающий их с точки зрения должностования. Социологическое же познание претендует на полную объективность, в самом своем названии заявляя о базировании на строгой науке.

Нет нужды доказывать, что, имея дело с крупномасштабными социально-историческими процессами, мы попадаем в сферу взаимопроникновения этих двух уровней, причем ни один из них нельзя игнорировать. Поэтому в методологическом плане проблема исследования таких процессов есть *проблема теоретического разграничения и практического соединения социального и социологического познания*. С одной стороны, наличествующая на социальном уровне философская рефлексия ставит свои собственные задачи, рассматривает проблему под своим углом и не может быть заменена конкретно-научным исследованием. Проблемы долговременных исторических трансформаций являются философскими не случайно и не только генетически, происходя из социальной философии и философии истории. Отражая крупные качественные сдвиги в условиях общественного бытия, они связаны с нравственными и экзистенциальными проблемами человека, и их абстрактно-логически обоснованная мировоззренческая оценка обязательно должна иметь место. С другой стороны, философия в чистом виде дает *не знание, а мнение*. Если бы цель состояла только в прояснении понятий, в их уточнении и приведении в соответствие с нашими представлениями о должном, можно было бы обойтись умозрительными онтологическими схемами и остаться только на уровне социального познания. Но цель научного исследования состоит в выявлении закономерностей, что делает необходимым обращение к собственно научным методам обработки фактов и, следовательно, ставит задачу построения такой методологии, которая соединит философскую онтологию с эмпирическим уровнем.

Сложность решения этой задачи состоит в том, что соединение философского и научно-теоретического уровней не должно игнорировать именно методологическую специфику каждого из них. Как считает К.Х. Момджян, попытки философа оперировать конкретными факторами превращаются в дилетантский пересказ специальных работ¹. Философия необходима не только как средство выполнения мировоззренческих функций, но и как специфический метод познания, при котором факты меняющейся действительности описываются при помощи категорий, не имеющих непосредственного эмпирического проявления (развитие, эволюция, прогресс). Но философия может быть разной: рациональной и иррациональной, научной, ненаучной и даже антинаучной (ту же самую социальную динамику можно осмыслить и

при помощи категорий «жизнь», «воля», «поток», «божий промысел»). И социальная философия, по мнению Момджяна, подразделяется на «ценностную», рассматривающую бытие общества с точки зрения идеала, и «рефлексивную», интересующуюся его собственной логикой, не зависящей от нравственных и мировоззренческих предпочтений субъекта². Выбор — за исследователем; но если целью научного познания являются законы, здесь в любом случае обнаруживается существенное противоречие и трудность исследования исторических процессов. Проблема модернизации, например, равно как и сопутствующие ей категории, возникла и находится в сфере социальной философии, но последняя не дает методологических средств обнаружения законов реального, данного нам в фактах, социального процесса. С другой стороны, исследование модернизации не может избежать философской рефлексии, так как занимается развитием — одной из центральных проблем философии.

Таким образом, имея дело с исторически значимыми социальными процессами, мы сталкиваемся с трудностями не просто междисциплинарного исследования, но исследования, включающего в себя науки разного уровня обобщения — философию и социологию, философию и экономику, философию и историю. И оно должно быть не просто «за-трагивающим», а системно соединяющим эти уровни, синтезирующим их реально, а не декларативно. Следовательно, мы стоим перед задачей разработки *комплексной исследовательской программы*, коррелирующей эти уровни между собой, но не игнорирующей различий между ними и не подменяющей один уровень другим.

Проблемы социологического исследования модернизации

Прежде всего, проблемы социологического изучения модернизации связаны с трудностью (по мнению некоторых — с невозможностью) верификации основных положений теории модернизации, ее категориального аппарата. Речь идет о понятиях «традиционное и современное», «аграрное и индустриальное» общества, «трансформация», «дифференциация», «бюрократизация», «эмансипация» и др. Опора же на сугубо философские понятия, такие как «прогресс», «развитие» и «эволюция», а, тем более, апелляция к идеям либерализма и демократии, и вовсе закрывает дорогу к формулировке строгих теоретических положений. Результаты накопленных к настоящему времени исследований модернизации не случайно называют то теорией, то концепцией — это отражение сомнения в том, можно ли считать совокупность этих данных полноценной научной теорией, имеющей замкнутый операционализируемый понятийный аппарат.

Полагаем, что эти проблемы закономерны. Концепция модернизации, восходящая к идеям гуманизма и Просвещения (вера в прогресс на основе разума и свободы), к принципам классической социальной философии (эволюционизм, универсализм, технологический или экономический детерминизм), не могла избежать их влияния, оформившись

в теорию в рамках социологии 50–60-х гг. XX в. А поскольку развитие науки шло в сторону роста сциентичности и эмпиричности, нарастала и критика теории, в том числе и со стороны самих социологов. Однако проходило время, и мыслители вновь возвращались и к ней, и к классическим ее компонентам, что не дает права считать эти «виговские», «либеральные», «буржуазные», «западнические» идеи исключительно рудиментами эпохи индустриализации, которые должны быть преодолены. Это — плодотворные идеи, отражающие, хотя и с долей провиденциализма, значимые для человечества реальные тенденции мировой истории. Высказывание В. Цапфа о том, что «если бы теории модернизации не было, ее следовало бы придумать»³, необходимо распространить и на ее классические тезисы, и мы полагаем, что социология располагает методологическим потенциалом их верификации.

Затрудняет применение социологических методов и историческая протяженность данного процесса. Если считать, что его начало в Западной Европе относится к рубежу XI–XII вв., то познавательные средства и фактический материал для построения строгих научных теорий оказываются весьма ограниченными, а ведь исследование модернизации должно быть еще и историческим. Здесь возникают дополнительные трудности в условиях именно российских реалий, в частности, слабого развития междисциплинарных исследований, институциональных проблем их осуществления, жесткой привязанности научных школ к отраслям знания. Еще одна проблема — слабое развитие и отсутствие институционализации теоретической истории и исторической макросоциологии: необходимость соединения социального и социологического уровней исследования модернизации требует привлечения их методов. Подавляющее большинство теоретиков модернизации, труды которых относятся как раз к социальному уровню, не утруждают себя исследованием отдаленных периодов, в лучшем случае ограничивая модернизацию временем индустриальной революции в Европе и Америке, в худшем — беря во внимание только современность. Не выявив в полной мере факторы и предпосылки появления индустриального общества как длительного исторического процесса, они пытаются вписать его в собственные картины долженствования.

Однако при полной изоляции и макросоциологическое исследование не застраховано от проблем. Это, в частности, обращение к фактам исключительно на макроуровне, минуя микро- и мезоуровень социальной динамики, с одной стороны, и рассмотрение модернизации не как долговременной трансформации, а как кратковременного усиления социального режима, роста экономического и военного потенциала той или иной страны на фоне внешнего вызова, — с другой. В связи с последним — переоценка внешних факторов социальной динамики, прежде всего, геополитики, и отказ от «классических» дихотомий (аграрное — индустриальное, традиционное — современное, феодаль-

ное — капиталистическое общества). Отметим и абсолютизацию принципа полилинейности и непризнание того, что, несмотря на наличие множества траекторий, существуют общие тенденции развития, требующие объяснения. Итог — негативное отношение к теории модернизации, трактовка ее как «примитивной линейной схемы», обвинения в предвзятости, метафизичности⁴. Методологический анализ ряда работ данного направления показал, что основные проблемы изучения модернизации обнаруживаются как раз на стыке этой научной области с философским уровнем рефлексии.

Немаловажное свойство проблемы модернизации — политическая актуальность, способствующая превращению научной дискуссии в средство идеологической спекуляции. Не секрет, что волны критики теории совпадали с периодами активизации сопротивления развивающихся стран Западу, зависели от геополитической ситуации в мире. Так, приход концепции в Россию был связан с распадом СССР, когда она стала почти единственной альтернативой «марксистско-ленинской методологии» осмысления новой и новейшей истории. Ее последующая критика совпала с общественной реакцией на деструктивные последствия либеральных реформ: авторы стали утверждать, что в мировом развитии нет универсального, нет реальности, которую отражало бы понятие «модернизация», нет гносеологических критериев для такой теории⁵. Главной тенденцией стало утверждение принципа «эксклюзивизма» для России, «особый путь» которой противопоставлялся модернизации как «европоцентрической» модели развития. Хотя нужно отметить, что зависимость рефлексии от социальной реальности не является столь прямой: худшие времена теория модернизации в России испытала все же в период нефтедолларовой «стабильности» 2000-х гг., но нарастание кризисных явлений в экономике и политике вернуло ее к жизни⁶.

Разумеется, политическая ангажированность не умаляет научной ценности критики и не является основанием для ее игнорирования, но она многое объясняет и прежде всего открывает глаза на необходимость деидеологизации исследования. На философском уровне избежать политически значимых суждений не удастся, да и не нужно, но они должны и, мы уверены, могут быть предельно сциентичны — за счет жесткой методологической привязки социального уровня к социологическому в единой исследовательской программе. Апелляция к фактам позволяет рассматривать на научном уровне даже такие идеологизированные и вызывающие насмешки социологов тезисы, как рост либерализма и демократии, что продемонстрировал Ф. Фукуяма в недавнем интервью на канале ВВС. Хотя, заявил он, демократия переживает сегодня не лучшие времена, отбрасывать мысль о совокупном движении общества в эту сторону не стоит. Если в 1970 г. в мире было 35 выборных демократий, то в 2014, несмотря ни на что, — около 110. Так что уже не треть, а две трети мира живут в условиях демократии⁷.

Все вышесказанное заставляет соединить три уровня рефлексии (социологический включает в себя эмпирический и теоретический), которые мы обозначаем как *эмпирический, теоретический и философский*, и предполагаем, что их корреляция в единой исследовательской программе позволит преодолеть барьер, кажущийся непреодолимым большинству ученых-эмпириков, или представляющийся несуществующим тем, кто отождествляет социальное познание и социологическое.

Теоретические основы и требования к исследовательской программе

Проблема корреляции уровней социального познания ставилась в мировой эпистемологии неоднократно, обратимся к «теории среднего уровня» Р. Мертон⁸. По его мнению, универсальные теории-концепции (в первую очередь его интересовала структурно-функциональная) выходят за пределы научного анализа, а социологические обобщения ограничены «средним уровнем». Он исходил из того, что социологическая теория всегда носит частный характер, применима лишь к конкретному явлению или процессу и формируется на основе обобщения только его данных.

Однако вставал вопрос: могут ли взаимодействия на универсальном уровне, как переход к которому была задумана «теория среднего уровня», стать предметом социологического знания? Именно он стал камнем преткновения в спорах по поводу мертоновской идеи, в которых одни использовали ее как инструмент социологической экспансии в область социальной философии, а другие критиковали их за «размывание» социологии. Экспансия проявилась, например, в представлениях о «трехуровневой системе социологического знания», в которой выделили 1) «общесоциологические» теории, объявленные «фундаментальными», 2) специальные, частные и 3) эмпирические исследования, притом, что теорию модернизации, равно как теории индустриального, информационного общества отнесли к первым.

Представляется очевидным, что теория модернизации в классическом варианте является именно философской концепцией, призванной описать механизм перехода общества как универсалии от аграрного состояния к индустриальному. Но ее основные положения могут и должны подкрепляться социологическими теориями «среднего уровня». И особая ценность идеи Мертона состоит в том, что она способна уберечь социологию от научно неверифицируемых привнесений, а философию — от утраты ею специфики и сведения ее к эмпирической науке. И именно потому при исследовании крупномасштабных социально-исторических процессов мы считаем нужным обратиться к этой идее, что она может удовлетворить и тех, и других. Социология останется социологией (она закончится на научно-теоретическом уровне, или на «среднем уровне» по Мертону), не будет «лезть» к социальной философии, а «уживется» с ней в конкретной исследовательской про-

грамме, в которой каждый из трех уровней сохранит свою специфику, но будет содержательно согласован с другим.

Еще один источник предлагаемого подхода — «лестница социального познания» Н. Розова, также призванная соединить философский и эмпирический уровни⁹. Данная технология близка нам тем, что направлена на исследования в области исторической макросоциологии, и ее автор отстаивает «номологический подход» к исследованию истории, что означает «изучение эмпирических явлений с целью объяснения и/или предсказания на основе законов (номос)»¹⁰. Предлагаемая нами исследовательская программа также выстраивается на основании принципов позитивизма и логического эмпиризма, представляющего собой синтез идей К. Поппера, К. Гемпеля и И. Лакатоса, в соответствии с которым цель исторического познания состоит в выявлении законов¹¹.

Одно из важнейших, восходящих к Мертону, требований к исследовательской программе состоит в том, что она должна быть разработана под конкретную проблему, т.е. являться локализованной предметной областью исследования. Если философская концепция модернизации пытается объяснить сразу всю совокупность аспектов трансформации общества, то на научном уровне необходима конкретизация: социологическая теория не может быть всеобщей. Это подсказывает и элементарная логика — невозможно подвергнуть более-менее качественной проверке сразу все положения концепции, например, доказать девять характеристик модернизации С. Хантингтона (революционность, комплексность, системность, глобальность, длительность, стадийность, гомогенность, необратимость, прогрессивность)¹². Но, работая с каждой из гипотетических черт отдельно, можно кое-чего добиться.

Интересующий нас аспект проблемы, связанный с поиском природно обусловленных закономерностей модернизации, — ее ресурсные и территориальные факторы. Наше внимание направлено на такую характеристику модернизационного процесса, как интенсификация. Несмотря на то, что она отмечалась многими учеными, а ряд работ указывает на нее косвенно, соответствующее ей положение о стесненности в ресурсах как непосредственной причине модернизации по-прежнему вызывает возражения, причем складывается весьма противоречивая картина. Если в эмпирических науках положение об отрицательном воздействии ресурсно-территориального изобилия на социальное развитие оформилось в общепризнанные теории (закон разделения труда Э. Дюркгейма, общая теория населения А. Сови, теория демографического толчка Дж. Саймона, исследования О. Дункана и Дж. Матраса и др. — в социологии; гипотеза Э. Бозеруп, понятие «ресурсное проклятие» в экономике)¹³, то в обобщающих междисциплинарных и философских исследованиях эти закономерности либо отрицаются, либо игнорируются. А один из ключевых вопросов — о характере воздействия природы на развитие общества — остается без

ответа. Как констатирует Дж. Даймонд, споры о том, способствует прогрессу изобилие или дефицит природных ресурсов, ведутся до сих пор¹⁴. Очевидно, что для признания интенсификации сущностной характеристикой модернизационного процесса необходимо провести исследование методами эмпирических наук и обнаружить эту интенсификацию у всех реально развивающихся обществ.

Особенно это актуально для России. Большинство теоретиков модернизации не видят особой проблемы в том, что страна располагает почти неограниченными территориями, а в распоряжении чуть более 140 млн чел. находится треть мировых природных ресурсов — обстоятельство, которое, на наш взгляд, не может не отразиться на ее модернизации. Но, несмотря на неоднократно озвученные идеи «экстенсивной доминанты» развития России, «экстенсивной интенции сознания», «внутренней колонизации», экономические исследования ресурсного проклятия (А.С. Ахиезер, И.Г. Яковенко, А.М. Эткинд, С.М. Гуриев, К.И. Сонин), и многие другие, модернизация осмысливается через формулу «больше ресурсов — больше развития».

Важное требование к программе, вытекающее из открытой Мертоном дискуссии — корреляция уровней с сохранением их специфики. Уровни исследовательской программы должны быть четко отделены друг от друга, но организованы так, чтобы каждый нижеследующий являлся средством проверки вышестоящего. Границы наук должны оставаться незыблемыми, что означает использование соответствующего категориального аппарата на каждом из уровней. В обозначенном нами аспекте проблемы на философском уровне необходимо оперировать такими понятиями, как *природа, общество и его исторические типы (аграрное и индустриальное), развитие, эволюция, прогресс*. На теоретическом уровне: *аграрная и индустриальная экономика, социальная и экономическая трансформация, ресурсы и территории как ее факторы*. На эмпирическом уровне необходимо опираться на такие показатели, как *территория и ее природно-климатические и географические характеристики, посевные площади, численность и плотность населения, производительность труда и эффективность экономики, макроэкономические показатели (ВВП, структура экономики, экспорт/импорт), занятость, социальная и демографическая структура*.

Отдельная проблема корреляции уровней познания — точность терминологического аппарата. Он не должен нивелировать на социальном уровне то, что доказано или опровергнуто на социологическом. Часто применяемые в текстах оценки факторов («главный», «важный», «ключевой» и т.п.) ничего не дают, поскольку таковыми можно назвать все факторы. Построение проверяемых теоретических положений может обеспечить принятая в исторической социологии категориальная система «необходимых и достаточных» и «необходимых и не достаточных» факторов. Так, С. Липсет, например, доказывает, что капитализм является необходимым, но не достаточным условием демократии¹⁵.

Структура, методы и результаты исследовательской программы

Идея отрицательного воздействия ресурсного изобилия на процесс модернизации проводится через три уровня предлагаемой программы.

На философском уровне фиксируется принципиальный отказ от понимания развития как неотъемлемого свойства любой социальной системы (в мировой истории статичных обществ существовало не меньше, чем динамично развивающихся) и трактовки модернизации как способности, изначально присущей любому обществу. Будучи глубокой и болезненной трансформацией, она происходит не сама по себе, а только в силу весьма серьезных обстоятельств. Это ставит вопрос о причинах модернизации, чего не делает основная масса исследователей, подходя к ней как к текущему процессу и выискивая факторы, способствующие или не способствующие ему в тех или иных странах. Но совершенно ясно, что пока не дан ответ на фундаментальный вопрос о том, почему одна социальная система трансформируется в другую, построение всяческих моделей и проектов модернизации бессмысленно.

В то же время зафиксированное в многочисленных экономических, социологических и других исследованиях мировой истории развитие социальных систем от экстенсивных к интенсивным позволяет предполагать, что *сущностной характеристикой модернизации является интенсификация*. Это переход общества от экстенсивной экономической стратегии (традиционная аграрная экономика с простым воспроизводством необходимого продукта) к интенсивной (индустриальная, чаще всего рыночная экономика с расширенным прибавочным производством). Происходит он только под влиянием необходимости: никакая другая причина не заставит людей, всегда стремящихся идти по пути наименьшего сопротивления, усложнять и интенсифицировать свою экономическую деятельность. Связана эта необходимость с ограниченностью ресурсов и территорий, наступающей вследствие роста численности населения аграрных стран: когда осуществлять прежнюю — экстенсивную — экономическую стратегию становится невозможно, при совпадении ряда условий включается механизм интенсификации, требующий жесткой и коренной перестройки всей социальной системы, чем и является модернизация.

Таким образом, модернизация происходит под действием «закона минимальной трансформации социальных систем», в соответствии с которым *в силу естественного сопротивления происходящим изменениям всякое общество трансформируется в сторону интенсификации и усложнения ровно настолько, насколько это необходимо*. Необходимость же определяется наличием и состоянием ресурсов, служащих для удовлетворения базовых потребностей. Если учесть, что исходная социальная система — аграрное общество — удовлетворяет свои базовые потребности за счет ресурсов традиционной аграрной экономики, то ясно, что именно на оценку состояния этих ресурсов должно быть направлено исследование на эмпирическом уровне.

На теоретическом уровне выдвигается положение, соединяющее вышеуказанные представления о развитии с непосредственными данными мировой истории. К нему выдвигаются важные требования. Во-первых, оно должно проверяться методами эмпирических наук и, следовательно, должно формулироваться в категориях этих наук. Во-вторых, оно не должно оставлять без внимания факты и теоретические конструкты, фиксирующие закономерности воздействия ресурсного изобилия на историческое развитие, выхолащивать их смягчениями, с одной стороны, с другой — не должно игнорировать многофакторность воздействий на процесс модернизации, его относительную нелинейность и вариативность. Иначе говоря, оно не должно сводить весь механизм развития к одной формуле, но должно предполагать существование фундаментальных закономерностей влияния природы на развитие общества. Положение о том, что *стесненность в ресурсах традиционной аграрной экономики является необходимым, но не достаточным условием модернизации*, соответствует данным требованиям: оно не исключает влияния других факторов и проверяется методами эмпирических наук. Достаточно обнаружить факты успешных трансформаций аграрного общества в индустриальное при высокой обеспеченности этими ресурсами, и оно будет опровергнуто.

На эмпирическом уровне соответствующее исследование было проведено нами посредством анализа исторической динамики в автохтонных очагах возникновения индустриального общества (объектом исследования послужили страны Евразии и Северной Африки). Результаты большей части данного исследования опубликованы¹⁶, что позволяет остановиться здесь только на методах и результатах.

Использованные методы условно составляют три группы. 1. Методы исторической макросоциологии, в частности, факторный анализ исторической динамики путем сравнения случаев и выявления единственного сходства/различия. 2. Сравнительный анализ экономической динамики разных стран в зависимости от обеспеченности ресурсами с использованием шкалирования, оценки, диаграмм. 3. Объяснительные методы — построение трендов и тренд-структур.

Исследование показало, несомненно, более сложную картину, чем представлена на философском уровне: открылись более глубокие пласты взаимодействий, внутри данной закономерности имеются другие, усложняющие ее. Однако главного положения проведенное исследование не опровергает, что имеет большое теоретическое и практическое значение. Хотя мысль о том, что модернизация связана с переходом от экстенсивной стратегии к интенсивной, высказывалась неоднократно, сегодня господствует убеждение, что это — черта ранних этапов модернизации, характерная для первых очагов индустриального общества, в последующем модернизация идет под действием извне — как результат влияния со стороны индустриально развитых стран. Наше исследование позволяет

утверждать, что эта фундаментальная закономерность сохраняется, хотя и в скрытом под сложнейшими современными взаимодействиями виде.

Получен ряд дополнительных результатов, в частности, разработана типология восточных стран в зависимости от обеспеченности ресурсами и результатов модернизации, описан характерный для стран высокой обеспеченности ресурсами тип социальной динамики, обозначенный как «вялотекущая модернизация». Анализ исторической динамики России позволил выявить конкретные социальные механизмы отрицательного воздействия ресурсного изобилия на ход модернизации.

Результаты проведенного исследования не противоречат классическому пониманию модернизации как относительно единого процесса социально-исторической трансформации аграрного общества в индустриальное, происходящего у разных народов в разное время со своими историческими и культурными особенностями, но приводящего в целом к преобладанию относительно единой формы организации и функционирования общества. Остается в силе и принцип «экономического детерминизма»: понимание модернизации как перехода на новый уровень взаимодействия между обществом и природой заставляет определить экономическую подсистему общества как детерминирующую весь процесс и являющуюся в нем системообразующей. Именно в сфере экономики происходит наиболее значимое для общества соприкосновение его с природой. Экономическая подсистема является также индикатором модернизационных процессов, показывающим степень трансформации общества от аграрного/традиционного состояния к индустриальному/современному (структура экономики и ее социально-экономический уклад, доля промышленности и высоких технологий, вклад страны в мировое производство, сырьевая, промышленная или высокотехнологическая ориентация экспорта и пр.). Поэтому, вопреки критике марксизма, в какой-то мере правомерной, есть основания считать влияние материальных условий исторической динамики доминирующими, если речь идет о крупномасштабных социально-исторических процессах, поворотных моментах истории, когда изменения носят фундаментальный и необратимый характер и приводят к возникновению принципиально новых социальных систем.

Заключение

Различие между социальным познанием и социологическим тождественно различию между философией и наукой. Оно неочевидно для тех, кто считает свою философию научной, и для тех, чья философия в действительности является таковой. Философские концепции являются по существу теми же гипотезами (предположениями о том, как устроен мир), что и в науке, но их отличие в том, что их авторы не утруждают себя доказательствами. Поэтому любая такая концепция-гипотеза в философии, претендующей на статус научной,

должна предусматривать способы операционализации в целях ее эмпирической проверки: научной является только такая философия, которая своими принципами предусматривает достижение главной цели науки — выявление законов. И именно предусматривает и обеспечивает, но не выявляет сама. Важнейшее отличие философии от науки — принципиальная невозможность выявления законов.

Разработка и осуществление исследовательской программы в соответствии с представленными рекомендациями позволяет решать эту проблему, не устраняя данных различий, а значит — способствовать прояснению вопросов, выходящих за пределы социологии и обеспечивать достоверность и точность выводов на уровне социального познания. Вопросы о цели и направленности истории, о смысле и сущности цивилизации, неолитической, индустриальной, информационной революции, модернизации и глобализации, разумеется, останутся «вечными», научно неверифицируемыми. Сближение науки и философии никогда не приведет к их слиянию, и специфика этих вопросов будет сохраняться, подобно кантовской «вещи в себе», порождая все новые метафизические картины мира. Однако эти картины, или мнения, могут базироваться на различных основаниях. И если мировой тенденцией является расширение границ знания (разумеется, не за счет сокращения поля философии, а за счет его уточнения, ясно, что социальное познание должно двигаться в эту же сторону.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Момдзян К.Х. О проблемном поле социальной философии. Ч. 1–2 // Личность. Культура. Общество. 2006. № 4. С. 161–180; 2007. № 9. С. 158–175.

² Момдзян К.Х. Социальная философия // Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2001. Т. III. С. 609–611.

³ Цанф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // СОЦИС. 1998. № 8. С. 25.

⁴ Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. — М.: РОССПЭН, 2011. С. 689; Разработка и апробация методов теоретической истории / под ред. Н.С. Розова. — Новосибирск: Наука, 2001.

⁵ См., например: Ядов В.А. Россия в мировом пространстве // СОЦИС. 1996. № 1. С. 27–30.

⁶ См., например: Дискин И.Е. Кризис... И все же модернизация! — М.: Европа, 2009.

⁷ Фукуяма Ф. Трудное время демократии и упадок США. — URL: http://www.bbc.co.uk/russian/multimedia/2014/09/140924_v_fukuyama (дата обращения: 18.03.2015).

⁸ Merton R.K. On Sociological Theories of the Middle Range // Merton R.K. On Theoretical Sociology. Five Essays, Old and New. — N. Y.: Free Press, 1967. P. 39–72.

⁹ Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2009. С. 86–105.

¹⁰ Там же. С. 57.

¹¹ См.: Поннер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания / пер. с англ. — М.: АСТ, 2004; Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира. Вып. 1. История и макросоциология в XX веке. — Новосибирск, 2000. С. 13–26; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. — М.: Медиум, 1995.

¹² Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development and Politics // *Comparative Politics*. Vol. 3. Iss. 3 (Apr. 1971). P. 288–290.

¹³ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с франц. – М.: Наука, 1990; Duncan O.D. Social Organization and the Ecosystem // *Handbook of Modern Sociology*. – Chicago: Rand McNally & Co., 1964. P. 37–82; Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. – Chicago: Aldine; London: George Allen, 1965; Сови А. Общая теория населения. В 2 т. / пер. с франц. Т. 2. Жизнь населений. – М.: Прогресс, 1977; Simon J.L. Economics of Population Growth. – Princeton: University Press, 1977; Matras J. Populations and Societies. – New Jersey: Prentice Hall, 1973; Auty R.M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. – L.: Routledge, 1993; Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper. 1995. № 5398.

¹⁴ Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ / пер. с англ. – М.: АСТ, 2010. С. 317.

¹⁵ См.: Lipset S.M. The Social Requisites of Democracy Revisited // *American Sociological Review*. 1994. Vol. 59. P. 1–22.

¹⁶ Трубицын Д.В. Идея «многофакторности» исторического процесса и проблема модернизации Востока (Н.С. Розов, Л.С. Васильев, В.А. Зарин) // *Гуманитарные науки в Сибири*. – Новосибирск, 2007. № 1. С. 70–74; Трубицын Д.В. Ресурсное изобилие и особенности российской модернизации // *Гуманитарный вектор*. 2014. № 2 (38). С. 64–78; Трубицын Д.В. Ресурсные и территориальные факторы модернизации восточных обществ: сравнительно-исторический анализ // *СОЦИС*. 2014. № 6. С. 21–32; Трубицын Д.В. Ресурсные и территориальные факторы модернизации: на примере арабских стран Северной Африки // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 4. С. 45–55.

REFERENCES

Auty R.M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. London, Routledge, 1993. 272 p.

Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. Chicago, Aldine; London, George Allen, 1965. 124 p.

Diamond J. Guns, Germs and Steel. The Fates of Human Societies. Moscow, AST, 2010. 604 p. (Russian trans.).

Duncan O.D. Social Organization and the Ecosystem. Handbook of Modern Sociology. Chicago, Rand McNally & Co., 1964, pp. 37–82.

Durkheim E. De la division du travail social. Moscow, Nauka (Science), 1990. 574 p. (Russian trans.).

Hempel C.G. The Function of General Laws in History. Vremya Mira [The Time of the World]. 2000. No 1, pp. 13–26. (Russian trans.).

Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development and Politics. Comparative Politics. Vol. 3. Issue 3 (Apr. 1971), pp. 288–290.

Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. Moscow, Medium, 1995. 236 p. (Russian trans.).

Lipset S.M. The Social Requisites of Democracy Revisited. American Sociological Review. 1994. Vol. 59, pp. 1–22.

Matras J. Populations and Societies. New Jersey, Prentice Hall, 1973.

Merton R.K. On Sociological Theories of the Middle Range. In: Merton R.K. On Theoretical Sociology. Five Essays, Old and New. N. Y., Free Press, 1967, pp. 39–72.

Popper K. Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. Moscow, AST, 2004. 638 p. (Russian trans.).

Rozov N.S. (Ed.). Development and Approbation of the Methods of Theoretical History. Novosibirsk, Nauka [Science], 2001. 502 p. (in Russian).

Rozov N.S. Historical Macrosociology: Methodology and Methods. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 2009. 412 p. (in Russian).

Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth. NBER Working Paper No 5398, 1995. 47 p.

Sauvy A. Théorie générale de la population. Vol. 2. Biologie sociale. Moscow: Progress. 1977. 519 p. (Russian trans.).

Simon J.L. Economics of Population Growth. Princeton, University Press, 1977. 590 p.

Trubitsyn D.V. Resource and Territorial Factors of Modernization of Eastern Societies: A Comparative Historical Analysis. In: SOCIS [Social Studies]. 2014. No 6, pp. 21-32 (in Russian).

Trubitsyn D.V. Resource and Territorial Factors of Modernization (on the Example of Arab Countries of North Africa). In: *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2014. No 4, pp. 45-55 (in Russian).

Zapf W. Die Modernisierungstheorie und unterschiedliche Pfade der gesellschaftlichen Entwicklung. In: SOCIS [Social Studies]. 1998. No 8. S. 14-26 (Russian trans.).

Аннотация

В статье представлен авторский взгляд на соотношение социального и социологического познания, выявлены их специфические особенности, заключающиеся в уровне обобщения фактов, методах и целях исследования. Показана актуальность данной проблемы для изучения крупномасштабных социально-исторических процессов, научная рефлексия которых затрагивает науки разного уровня обобщения – философию и социологию, философию и историю, философию и экономику. Обоснована необходимость исследования данных процессов на обоих уровнях. На примере проблемы модернизации показана возможность их корреляции в единой исследовательской программе. Представлены результаты исследовательской программы, разработанной с целью выявления закономерностей воздействия природных условий и ресурсной обеспеченности на процесс модернизации.

Ключевые слова: социальное и социологическое познание, научно-исследовательская программа, социально-исторический процесс, модернизация, интенсификация.

Summary

The paper presents the author's view of correlation between social and sociological perception. It reveals their specific traits, consisting in differences in generalization of facts, in methods and aims of research. The article demonstrates the importance of the problem for studying large-scale social-historic processes, the scientific comprehension of which involves sciences with different levels of abstraction: philosophy and sociology, philosophy and history, philosophy and economics. The author justifies the necessity of studying of such processes on both levels. The possibility of their correlation in one research program is illustrated by the example of modernization. The paper presents the results of the research program, developed with the aim of revealing the objective laws of effect of geographical conditions and nature resources on the process of modernization.

Keywords: social and sociological perception, research program, socio-historical process, modernization, intensification.